

Кислород для культуры?

За полвека работы в области культуры и благодаря даровитым людям, с которыми меня сводила судьба, у меня сформировалось определённое понимание культуры как достижения в науке и искусстве, а в философском смысле, как способа творческого самовыражения, способности человека изменять самого себя, общество и природу. Этот очерк составлен как размышление о некоторых особенностях современной культуры, её достижениях и вопиющих издержках, и несообразностях

В 18 лет я поступил в Щукинское театральное училище. Первое, что поразило, это педагогический состав. Тогда, в начале шестидесятых годов, мы учились у Бориса Захавы, Юрия Любимова, Цецилии Мансуровой, Владимира Этуша, Анатолия Борисова... Все эти актёры были звёздами Вахтанговского театра. Теперь преподают, за редким исключением, артисты «второго эшелона», а часть преподавателей — со стороны. Как справедливо отмечают опытные педагоги, актёрское образование сейчас, к сожалению, идёт в русле общих тенденций сферы образования в стране, то есть деградирует.

Худшее, что можно было взять от советской системы образования, — кумовство, блат — соединилось с отвратительным, что мог дать рынок: непомерные цены на обучение, торговля именем вуза, которое создавалось в течение целых десятилетий выдающимися деятелями культуры. Однако причина не только в том, что старая модель развалилась, но и в том, что у руководителей культуры появилась нарочитость в подборе кадров, понадобились педагоги с другим мировоззрением. Проще говоря, в систему вторгся народ, у которого цели и ориентиры заточены не на развитие традиций, а под видом постмодернистских искательств, в конечном итоге, на их разрушение.

Возникает вопрос, почему появилась подобная ситуация? Я никогда не поверю, что у кого-то родилась безумная идея, чтобы специально опустить мировой бренд — школу Станиславского. Конечно, нет! Однако ещё в 1990-х у некоторых людей, причислявших себя к творческой элите, стала возникать уверенность, что новому классу, в руках которого за короткий срок оказалась львиная доля богатств России, нет времени выбирать между «честной» и «нечестной» приватизацией, и что самое главное, этому классу, как выяснилось, выгоднее иметь дело не с требовательным, умным и талантливым народом, а с Иванами, не помнящими родства: безвольными, разбродившими, беспринципными, пьющими и вымирающими.

Именно паразитический класс, который сложился в результате так называемых реформ и приватизации, больше всего стал заинтересованным в отсталости России. В слабой стране беспредельщикам-приватизаторам легче избежать наказания.

Именно появление «новой культуры», смоделированной СМИ, объясняет состояние драматического положения и нашей отечественной демографии. Люди стали больше пить, употреблять наркотики и заканчивать жизнь самоубийством под воздействием мощного культурного наступления, отрицательного энергоинформационного поля, сопряжённого с сильным экономическим ударом 1990-х, население сознательно вогнали в шок депрессии и безысходности. Если бы создатели мыльных опер и детективных сериалов почаще читали в интернете комментарий зрителей, то в полной мере разобрались бы, что наш народ, который принято теперь называть населением, прекрасно понимает, чего стоит подобное «искусство и культура».

Пришедшие к власти в 1990-е годы времени совсем не были дураками. Они понимали, что нужны «хлеб и зрелища» и поэтому дали эти «корма» для подопечных и обманутых, прикрываясь лозунгами, что готовы «лечь на рельсы», если

жизнь не улучшится, или разглагольствованными, что «рынок всё поставит на своё место». Не легли и не поставили — обманули! Дальше, чтобы не получить бунт, «бессмысленный и беспощадный», пришлось всё содеянное прятать, ссылаться на объективные причины, переходный период, некоторые прямо говорили о недостатках народа — словом надо было всё забаррикадировать. Говоря проще, пришлось усмирять вольницу, отказаться от лозунга: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Но при этом влияние олигархов в России только возросло, и отход от демократии был предпринят, поскольку демократия была невыгодна тем, кто в ходе приватизации получил гигантскую собственность и не мог её защитить при наличии реально свободных выборов и средств массовой информации.

Коллаж Елены СТЕПАНОВОЙ

Специфика российского капитализма в том, что он вернулся из небытия как разрушитель социалистического общества, а потому ему (в отличие от капитализма Западной Европы и США, мимикрировавшего под социальное общество Советского Союза) органически присущ перманентный геноцид собственного народа, какими бы филантропическими акциями и разговорами о социальном государстве он ни прикрывался. Природу не обманешь и против собственной природы не пойдёшь. Именно об этом книга «Геноцид» советника президента по экономическим вопросам, академика Сергея Глазьева.

Таким образом, для того чтобы не вызвать враждебности и отрицательной реакции, для спокойствия и приумножения богатств нужно было поддерживать и наращивать эрзац-культуру, начинённую соблазнами, грехом, разложением и пошлостью. Надо было отвлечь внимание от подлинных проблем, заманивая зрителей вереницей ток-шоу, где разбираются личные судьбы: кто с кем развёлся? кто кому изменил? почему от нас ушла Украина? куда поведёт мир новый президент Америки Трамп?

Но началось это с большого замаха: прежде всего, потребовалось опустить и по-новому прочесть русскую классику, заняться её вивисекцией в театре, на оперной сцене, тем самым обесмысливая её, вульгаризируя и опошляя. Так, в репертуаре театра «Ленком» появился спектакль по роману «Идиот» Фёдора Достоевского, названный «Князь». Князь Мышкин в этом спектакле понарошку мочится. Зачем? Чтобы показать, что он не герой и уж совсем не тот, которого Достоевский хотел представить как человека близкого к облику Христа, а что он на самом-то деле — абсолютная «овца»!

Вот один из отзывов на этот спектакль: «Единственное, чем спектакль может привлечь вечно рассеянное внимание зрителя, — социальные и этические провокации. Вот Рогожин вышел в костюме генерала полиции, а Фердыщенко сидит в детской комнате милиции, а некто с головной мухи кружит под шариком, который улетел, а девочка Настасья Филипповна уже не плачет, а подросла и пишет Мышкину письмо кровью. Шутки-малютки провоцируют негодование зрителей, и это для Богомолова слаще мёда: чем больше в гнев хлопнувших дверью, тем лучше. Хорошо, когда есть нападки, оскорблённые журналисты, ругательные статьи: это бодрит. Словом, получилось трёхчасовое погружение в ад. И тогда в защиту Бого-

тали на сцене, от которых не можешь не прийти в восторг. Режиссёр ищет способ погрузить зрителей в сегодняшний день, найти взаимопонимание с сегодняшним залом. И, соответственно, мысли, которые спектакль вызывает — они актуальные, необходимые сегодняшнему человеку», — пишет в своей рецензии театральный критик А.Кузнецова.

Причём режиссёр И.Сиренко на гребне успеха многие годы, играет в небольшом зале, поставил десятки прекрасных спектаклей, совсем не просит большей творческой свободы и безусловно заслуживает высочайшую благодарность за свой талант. Однако какими бы ни были успехи или трудности у его театра, он не задаётся целью повысить интерес к собственной персоне и к своей работе, прибегая в творческих целях к живосцению русской классики, привлекая внимание непристойностью и сомнительными театральными находками. По всей видимости, режиссёр знает, что «где есть творчество, там нет безумия».

А вот другой случай: выступление Константина Райкина о той самой творческой свободе, на которую якобы ведут наступления какие-то далёкие от искусства люди. «Меня очень тревожат — я думаю, как и вас всех — те явления, которые происходят в нашей жизни. Эти, так сказать, наезды на искусство, на театр в частности. Эти со-

молова выступают все, кому дорога творческая свобода».

А вот московскому театру «Сопричастность», возглавляемому заслуженным деятелем искусств России, известным актёром, режиссёром Игорем Сиренко, из русской классики для постановки понадобилась пьеса Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина», которая по своей сатирической стилистике характеризуется как самая острая и жёсткая социальная сатира в русской драматургии. Режиссёр в этом спектакле не резал пьесу по живому, не прибегал к сомнительным контрапунктам для поддержки актуальности спектакля, он шёл за автором, в нём искал современное звучание, и вот результат — высшая награда на Международном театральном фестивале «Русской классики» в Лобне и первоклассная оценка критики. «Режиссёр И.Сиренко со своей удивительно разнообразно подобранной труппой демонстрирует замечательный актёрский ансамбль, замечательное владение непростым словом старого драматурга. Следует отметить острую гротесковую пластику спектакля. И всё это очень органично, искренно, трепетно. Ты видишь такие де-

вершено незаконные, экстремистские, наглые, агрессивные, прикрывающиеся словами о нравственности, о морали, и вообще всяческими, так сказать, благими и высокими словами: "патриотизм", "родина" и "высокая нравственность" — вот эти группы оскорблённых якобы людей, которые закрывают спектакли, закрывают выставки, нагло очень себя ведут, к которым как-то странно власть нейтральна, дистанцируется. Мне кажется, что это безобразные посягательства на свободу творчества, на запрет цензуры».

Что тут добавить? Выступление К.Райкина звучит вполне в духе тех демократических завоеваний, которые, действительно, сделали наш театр независимым от привычной цензуры, оставив всё на совести художника. За это выступление критики назвали Райкина человеком года. Однако не все согласились с ним.

Возразил Никита Михалков: «Мне хотелось бы понять: где его ущемили? Чего он не имеет: свой театр, школу. Он ставит то, что хочет». Ещё смелее высказался Виктор Ерёмин, автор книги «Сто великих поэтов»: «За чей счёт самовыражаются все эти творцы? Разве кто-то